

С.Н. Сергеев-Ценский

**Львы и солнце
(Преображение России - 14)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Сергеев-Ценский С.Н.**
Львы и солнце (Преображение России - 14) / С.Н. Сергеев-Ценский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-2854-7

Историко-революционная эпопея "Преображение России" замечательного русского советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского включает в себя двенадцать романов и три повести, являющиеся совершенно самостоятельными произведениями, объединенными общим названием.

ISBN 978-5-4241-2854-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© С.Н. Сергеев-Ценский, 2021

Сергеев-Ценский Сергей
Львы и солнце (Преображение
России - 14)

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Преображение России

Эпопея

Львы и солнце

Повесть

Содержание

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Примечания

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В 1917 году 25 февраля в Петрограде появилось в одной малотиражной газете объявление:

ПРОДАЮТСЯ ЛЬВЫ

Новоисаакиевская, 24, 3.

В те времена продавалось все, потому что все бешено раскупалось, потому что гораздо больше было денег, чем товаров, но львы, которые продавались кем-то в Петрограде, - это было слишком неожиданно даже и для тех неожиданных дней.

Иван Ионыч Полезнов, разбогатевший на крупных поставках овса в армию, раньше приказчик мучного лабаза, а ныне владелец приличной зимней дачи вблизи Бологого, человек лет пятидесяти двух, но еще без единого седого волоса в русой бородке, видный собою, полнокровный, хотя и недавно, но зато очень прочно поверивший в свою звезду и потому благодушный, живший теперь в номере хорошей гостиницы в начале Невского, ближе к Зимнему дворцу, прочитав за утренним чаем это объявление, сказал весело вслух самому себе:

- Ну-ну!.. Львы!.. До львов дошло!.. Вот так штука!..

Он просмотрел потом еще несколько объявлений (с них обыкновенно начинал он читать газету) и опять наткнулся на то, что продаются львы: это было напечатано крупно и на видном месте.

Полезнов подумал: "Что же это, цирк распродается или зверинец?" - и привычно потянулся к трубке телефона, чтобы узнать, так, между прочим, сколько именно продается львов и по каким ценам, но, присмотревшись к объявлению, не нашел там номера телефона.

Убеденный в том, что такие коммерческие предприятия, как цирк или зверинец, не могли бы сдать объявления в газету, не указав номера своего телефона, Полезнов повисстал тихонько и, как только окончил чаепитие, оделся и вышел на Невский, от которого Новоисаакиевская очень близко, и в первую очередь решил пройтись полюбопытствовать, что это за львы, кем именно и почему продаются.

Было средне морозно. Стояли длинные хвосты очередей вдоль тротуаров.

Проходя мимо них, Полезнов участливо спрашивал, за чем стояли - за хлебом или за сахаром?..

Сам он был очень запаслив, и склады всякой снеди и других житейски необходимых товаров у него в Бологом были большие; самому ему еще не приходилось стоять в подобных хвостах, но был он человек общественный и очень любознательный до всего, что касалось торговли. Команда молодых солдат, совсем еще мальчишек, плохо державших шаг и равнение, пересекала Невский, остановив вагоны трамвая и длинный ряд автомобилей. Угорелые газетчики бегали с телеграммами и что-то кричали, но в крики газетчиков в последнее время перестал уже вслушиваться Иван Ионыч и телеграмм сознательно не покупал. Как бы ни шла война, его она касалась только стороной поскольку был еще овес на северо-западе России и лошади в русской армии. Того, чтобы немца допустили взять Петроград (столицу!) и вместе с ним станцию Бологое, он решительно не допускал. Детей на фронте у него не было и быть не могло: женился он лет за семь до войны, и дети его, всего четверо, были еще младенцы. Когда он бывал дома, то чувствовал себя с ними в одно и то же время и отцом и даже как бы дедом, что только усиливало его к ним нежность; и вот теперь, доходя до Новоисаакиевской, он представил, как туда, в свое гнездо в снегах, он возьмет да и привезет вдруг, шутки ради, живого льва в железной клетке и какой радостный визг и крик подымут около такой необыкновенной игрушки дети.

С гурманством северянина (он был костромич родом) Полезнов втягивал широкими легкими стынью февральского воздуха и жесткие порывы ветра с Невы, а свою кунью шубу он даже несколько распахнул, так как от ходьбы нагрелся.

С некоторых пор, когда вообще появилось так много нового в русской жизни, Иван Ионыч усвоил и всячески развивал в себе спасительную привычку как можно меньше обращать внимания на все кругом и удивляться.

Война, сделавшая его поставщиком овса, на этом именно новом для него деле и требовала сосредоточить все его мысли: где купить овес, почем купить, как доставить, почем посчитать казне, помня о том, как падают деньги, одних только этих забот было вполне довольно для Полезнова, чтобы еще замечать пристально, что такое творится кругом. И если шел он узнавать насчет львов, то только потому, что как раз теперь выдалось у него свободного времени два-три часа, а потом предстоял деловой разговор с интендантским полковником князем Абашидзе.

Дворника в воротах не было. Полезнов на черной табличке сам отыскал, что квартира 3-я во дворе налево, нижний этаж.

Когда он позвонил, открыли не сразу и только на четверть, на длину дверной цепочки. Чей-то черный глаз, пытливо блеснувший, оглядел Ивана Ионыча с бровевой шапки до калош, и спросил оттуда сильный женский голос:

- Вы насчет львов?

- Вот именно, - солидно отозвался Полезнов.

- Львы почти уже проданы...

- Очень сожалею... Однако не совсем еще?..

- Однако... если вы, конечно, предложите больше... Войдите!

Цепочка загремела, дверь распахнулась, и Полезнов вошел в прихожую, где хотел было скинуть шубу, но сильная на вид, высокого роста, молодая черноглазая женщина в накинutom на плечи котиковом боа сказала:

- Можете и не раздеваться... Боюсь, что у меня порядочно прохладно...

- Это как же, - вы, стало быть, лично продаете львов? - степенно спросил Полезнов, когда уселся в шубе на слишком мягкий, с беспомощной пружиной, пуф.

- А как же еще? - удивилась женщина, шевельнув высокой прической. Лично?.. Конечно, лично... Львы мои, а не чьи-нибудь...

Комната была большая, но плохо обставленная, и, что сразу обратило на себя внимание Полезнова, кое-где на высоте человеческого роста висели обои кусками, а в двух-трех местах они были прикреплены сильно блестящими английскими булавками. Высокая белая дверь в другую комнату была как бы изрезана в разных местах перочинным ножом, а ближе к медной, давно не чищенной ручке даже и очень густо изрезана... И воздух в комнате показался плохо проветренным, хотя форточка и была приотворена.

- Гм... Та-ак... И сколько же у вас львов этих самых? - с большим любопытством поглядел на женщину Полезнов. - В газете сказано: львы... Стало быть, не один, а несколько...

- Два!.. Два льва... Оба самцы...

Женщина наблюдала его пытливо и даже несколько строго, - так ему показалось.

- От-лич-но... Два... И где же они у вас помещаются?.. При доме ли, в сарае, или еще куда ехать к ним надо?

- Здесь, - быстро ответила женщина.

- То есть где же именно здесь?

- Здесь - это значит здесь же, где и мы с вами: в соседней комнате.

И не успел еще подумать Полезнов, не шутка ли такой ответ, как женщина, придерживая крупной белой рукой боа на шее, другой распахнула изрезанную дверь, и в комнату вошли, мягко, по-кошачьи ступая, два песочно-желтых больших зверя, которых по первому взгляду он даже и не принял за львов. Но уже в следующий момент он вскочил с пуфа, инстинктивно выставив перед собой, точно для защиты, бровную шапку, и первый ближайший к нему зверь вдруг встал на задние лапы, а передние положил ему на плечи, и так близко пришлось к его глазам хмурые зеленые львиные глаза, что Полезнов откинулся головою и ударился о стену затылком, и если бы не стена пришлось сзади него, он, может быть, упал бы на пол от страха.

- Жак! - крикнула женщина и добавила что-то еще на языке, Полезнову не понятном.

Лев мягко снял свои лапы, поглядел на него еще раз внимательно снизу вверх и отошел, чуть двигая хвостом.

- Это - Жак, а тот - Жан... они - братья, - сказала женщина, как будто Полезнов не побледнел от страха и не ушиб затылка.

Когда же несколько пришел он в себя, то отозвался обиженно:

- Предупредить, мадам, надо было, предупредить, а не так сразу!.. А не то чтобы вот так... Это ведь звери!..

- Они совершенно ручные! - даже чуть улыбнулась женщина, точно забавляясь его страхом. - Они всего по третьему году и совершенно, совершенно ручные!.. Все равно как собаки...

- Хо-ро-ши со-баки! - сильно упирая на костромское "о" от растерянности

(чего в спокойном состоянии он не делал), бормотал Полезнов. - Я полагал, они у вас в клетке где-нибудь... в сарае, что ли... а не так... И как же вы с ними тут одна? - попробовал он замять это бормотанье.

- Прислуга моя ушла достать для них мяса... хотя, конечно, это теперь очень трудно... А тут, как нарочно, с утра лезут в дверь всякие... конечно, из пустого любопытства...

- Выходит, и я тоже из любопытства... из дурацкого?.. - не без угрюмости вставил Полезнов, потирая затылок.

- Ка-ак так из любопытства? - явно обиделась она. - Так вы, значит, не желаете покупать их?

Полезнов посмотрел на ее большое красивое лицо, с чуть посиневшей на полных, здоровых щеках кожей, и слегка улыбнулся:

- Имел большое желание, а теперь начинаю бояться.

- Бо-ять-ся? Чего же именно?

- Вы говорите: ручные... Вас-то они, конечно, слушают, а с какой стати им меня слушаться? Меня они могут в клочки изорвать!.. Что я с ними буду делать? Хо-ро-шее дело!

- Позвольте, что такое? Ничего я у вас не пойму!.. - сделала женщина пренебрежительную гримасу. - Для чего именно хотели вы там купить львов, это не мое, конечно, дело, но ведь вы же пришли за чем? чтобы купить их?

- Да я так, признаться, ни за чем... Просто блажь нашла... Притом же я ведь хотел, чтобы в клетке и по крайней мере одного, а не двух... Зачем мне двух?

- Одного нельзя!.. Они братья, и один без другого не может... Вот!

Тут она быстро схватила одного из львов за загривок, впихнула его в соседнюю комнату и закрыла дверь. Тогда оставшийся в комнате лев вопросительно посмотрел на нее и с тихим урчаньем начал царапать дверь лапой около медной ручки. Полезнов понял теперь, почему ему показалось, что изрезана ножами дверь, и почему висели ключьями обои.

Он сказал, как бы между прочим:

- Придется вам сделать потом ремонт в квартире...

- Это уж мое дело, - обиделась хозяйка львов. - Может быть, сделаю, может быть, нет...

- А почему же это львы? Львы, а, между прочим, гривы у них небольшие? тоже обиженно спросил Полезнов.

- Потому что они - молодые, вот почему... У совсем молодых самцов грив не бывает...

- Не знал!.. А как же они, молодые, к вам попали?.. Я это по поводу того, что вот уже третий год война, и мы, стало быть, окончательно отрезаны... Даже апельсинов нельзя провезти, не то что львов пару...

- Вы намерены их купить или нет? - резко оборвала женщина.

В это время задребезжал дверной звонок, и она, не дождавшись ответа, легко, как львица, выскочила из комнаты в переднюю.

Иван Ионыч обмахнул шапкую шубу в тех местах, к которым прикоснулись львиные лапы, потом ударил раза два перчаткой по шапке и сказал самому себе:

- Не-ет!.. Нет, брат, это не модель!

А между тем в передней раздалась сразу два бурных голоса - хозяйки и еще

кого-то, вошедшего срыву.

"Ну, еще какой-то покупатель, - подумал Полезнов. - И отлично!.. А я уйду!.."

Но вошедший, оказавшийся низеньким, крепким, пожилым человеком с черными усами и седыми подусниками, в лохматой, заиндевевшей, низко сидящей шляпе и теплой короткой бекеше со шнурами, подошел к нему, взял его за оба отворота шубы и сказал медленно, старательно выговаривая слова, но очень громко:

- Вы... будете давать сейчас же двадцать тысяч и сего же дня их забирайт?

При этом он глядел на него горячим взглядом, не допускающим ни малейших возражений.

Все тут очень обидело Полезнова: и то, что его вдруг схватили за отвороты шубы, и то, что сам он снял шапку, а перед ним в комнате стоят в шляпе, и то, что с ним даже не поздоровались войдя, и то, что ему будто бы даже просто приказывают купить обоих львов и непременно за двадцать тысяч.

- Нет уж, нет, - твердо сказал он, подняв брови. - Пусть другой кто дает двадцать тысяч, а я уж пойду!

И он сделал движение руками, желая запахнуть шубу. Однако тот держал его за отвороты крепко и рук своих отпускать, видимо, не думал.

- Вы хотите их взять для цирка или куда, нам это ест без-раз-лично! уже кричал он, сверкая сердитыми черными глазами. - Одним зловом, вы имеете двадцать тысяч и вы-ы их нам даете!

- Ого!.. Это с какой стати? - очень удивился Полезнов, и даже шевельнулось в нем, хотя и без особого страха: не попал ли он к каким-то таинственным грабителям.

- Послушайте, вот что, - вступила тут женщина, должно быть она была жена этого горячего... - Для чего вам нужны львы, я уж вам говорила, нам неважно, и мы даже не желаем этого знать... Однако ведь вы же пришли их покупать, да?.. Вы - человек солидный, вы - человек богатый...

- А вы почему знаете, что я богатый? - с сердцем отозвался Полезнов.

- Бедный человек, о-он... ему не надо львы! Нетт! - закричал мужчина.

- Пусть я даже богатый, а мне вот тоже не надо!.. Не надо, и все!.. Никаких львов не хочу! - закричал в тон ему и даже выше Иван Ионыч.

Да, он совершенно рассердился, наконец, и сознательно взял тон повыше этого, с седыми подусниками. Он в полный голос кричал, он по-хозяйски кричал. Он чувствовал себя русским и в русской столице, и вдруг этот какой-то куций немец, по оплошности полиции пока еще не высланный за Урал, смеет держать его за шубу, как грабитель, и требовать какие-то двадцать тысяч!..

Однако только что он поднял голос, чувствуя себя вправе и в силе, как из соседней комнаты донеслось рычание, точно подземный гул, потом жутко зацарапали в дверь и снизу и на высоте человеческого роста, и вдруг дверь распахнулась звучно, и выскочили Жан и Жак, нестерпимо светя четырьмя огнями зеленых глаз и пружиня длинными хвостами.

"Изорвут ведь!.. В куски изорвут!.." - мелькнуло у Полезнова, и он выдернул шубу у немца и бросился к двери.

Какой-то подземный гул от сдержанного, сквозь сжатые зубы, рычания сразу наполнил всю комнату. Желто-песочные пятна колесами завертели в глазах

Полезнова... Он был уже у дверей, но немец успел все-таки загородить ему выход.

- Ваше последнее злово, ну? - крикнул немец с видом столь боевым, что чуть ли не явно угрожающим.

- Жан! Жак! - кричала в то же время его жена, руками белыми и крупными сдерживая упругий напор зверей.

Полезнов быстро напялил шапку, толкнул изо всей силы локтем в плечо низенького немца и выскочил в переднюю.

Но дверь из квартиры на двор была заперта. Полезнов подергал - не открывается, пошарил рукой - не нашел ключа в замке, а немец снова тянул уже его, теперь за рукав шубы.

- Послушайте один мой злово! - говорил он при этом, хотя и по-прежнему горячо глядя, но спокойнее. - И где именно вам теперь продают львы? Ни-игде!.. Я согласен буду брать две тысячи меньше этой суммы, ну?

- Ключ, ключ давай!.. Дверь отопрю, вот что!.. Извольте меня выпустить, а не суммы! - кричал Полезнов.

Надев шапку, он уже чувствовал себя почти как на дворе, однако новый взрыв львиного рычания заставил его сразу перейти на мирный тон. Он взял немца за руку и сказал тихо, но, как ему казалось, вполне убедительно:

- Вот что, почтеннейший... Вы сказали - восемнадцать? Это ваша последняя цена? Уступочки не будет?

- Вы ест су-ма-шечки! - вдруг снова вспылал немец. - Уступчик?.. Еще уступчик?.. За пара таких львы?

Жан (или Жак) в это время взвыл как будто и тихо, но настолько жутко, что у Полезнова холодно стало между лопаток, и он счел совершенно вредным обижаться на горячего немца.

- Хорошо, - быстро сказал он. - Итак, восемнадцать... Я передам своему патрону... Я сейчас к нему еду и передам... Это очень важное лицо, князь... И передам вашу цену... У вас нет телефона?

- Нетт... Но-о... передайт надо так: двадь-цать! Двадь-цать, да! Помните, уступчик больше не будет, нетт!

И немец при этом даже погрозил пальцем около носа Полезнова, и неизвестно еще, когда бы он выпустил его из передней, если бы не звонок со двора.

На этот звонок, долго дребезжавший, вышла женщина в боа с ключом, и дверь, наконец, открылась, и принял с надворья в глаза Полезнова яркий, спасительный снег.

Иван Ионыч еле рассмотрел сероглазую девушку в теплом белом платке и с большой корзиной в руках. Довольно проворно для человека пятидесяти двух лет, притом одетого в тяжелую шубу, он за ее спиной выскользнул на двор и уже отсюда, погрузив в рыхлый снег калоши, услышал еще раз горячее:

- Прошу помнить: последнее злово - двадьцать!

Тогда он сделал самое свирепое лицо, на какое был способен, и рука его сама собою сжалась в кулак и задрожала в воздухе, как будто бы он грозился.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда Полезнов подходил к пролету ворот, густела и бурлила в нем досада прежде всего на то, что не пихнул как следует, выходя, этого, с игристыми усами, между тем всем своим тяжелым и набрякшим телом чувствовал, что мог бы

пихнуть его как следует, так, что не только бы затылок о стену он ушиб... Неприятный звериный запах еще стоял у него в носу, и он раза три сильно потянул носом и отплюнулся.

Между тем в воротах, где дворника опять все-таки не было видно, около черной доски стоял кто-то - хорошего роста, бритый, в теплой шляпе и беззащитных черных шелковых наушниках; холодный воротник пальто его был поднят; рукою в рыжей лохмотной перчатке он шарил по доске и бормотал:

- Номер третий... хм... хрр... Номер третий... А вот номер третий!..

Полезнову ясно стало, что это - новый покупатель львов... Он подумал отчетливо: "Бритый... и в шляпе... Значит, из цирка... И пусть, черт с ним!.. Пусть покупает..."

Он встретился с ним глазами, когда тот прошел мимо него, и даже хотел было понимающе ему подмигнуть слегка: дескать, все это нам известно - и куда ты идешь и зачем ты идешь, - но как-то не вышло.

Он стал у ворот и, так как не хотелось идти, высматривал извозчика, но извозчик что-то не проезжал мимо. И в то же время не хотелось уезжать отсюда, не решив окончательно насчет львов. Он думал, что этот бритый в шляпе, стремительно прошедший от ворот в глубь двора, может быть, просто хочет сделать хорошее дело с цирком, а между тем это дело мог бы сделать и он... Двадцать тысяч за пару львов показалось ему вдруг ценой дешевой. Он уже раскидывал, прибегая к привычному своему торговому языку: "Если за две красных тысячи теперь купить, а к вечеру за три красных тысячи продать - это бы все-таки было похоже на дело... И брать их отсюда не надо бы... Не дать ли пойти задаток?.."

Посмотрел на желтый, сверху облупившийся, требующий ремонта брендмауер на другой стороне улицы - и стало еще досаднее: кому теперь можно продать этих львов, если не в цирк "Модерн" или цирк Чинизелли?.. И как будто этот немец с усами не бегал двадцать раз и туда и сюда!..

Подивясь на самого себя за то, что теряет попусту время, Иван Ионыч уже двинулся было от ворот, когда к нему подошла спешащим шагом видная из себя девица в мерлушковой серой шапочке, или шляпке, очень странного фасона, с раструбом на боку, и в меховом, но уж потертом недлинном пальто. Что его удивило в ней, это чрезвычайное обилие рыжих, жарких волос, так что совсем закрывали они уши и часть щек (тоже очень горячих). Она не то что подошла к нему, она шла на него, подняв голову к синим цифрам 2 и 4 - номеру дома, торчавшему на карнизе второго этажа.

Столкнувшись с Полезновым, она сказала ему звучно и совсем не смущенно:

- Я извиняюсь! - и потом добавила, очень уверенная в тоне вопроса: Скажите, это ведь здесь львы?

Иван Ионыч даже не успел подумать, обидеться ли ему, или нет? Не приняла ли она его за дворника этого дома?..

Разглядывая редкостные волосы под мерлушкой, он ответил:

- Да, именно здесь.

- Куда же идти? - спросила девица, облизнув губы, полные и тоже горячие.

Нос ее показался Полезнову маловат несколько и будто без переносицы, но серые глаза открылись неробкие, круглые и с большими ресницами.

Муфта у нее была беличья... Переведя цепкий мужичий взгляд с ее глаз на эту

муфту, ответил Полезнов:

- Вы ведь все равно покупать не будете, а только так себе... Тогда зачем же и вам беспокоиться и мне вам говорить?

- А вы почему это знаете, что так себе?.. (И качнулись золотые слитки волос.) Вы, что ли, их хозяин, да?.. Это вы продаете львов?

- Допустим, что я... - поглядел на раструб ее шапочки Полезнов.

- А-га!.. До-пус-тим! - зачем-то протянула девица. - И сколько же у вас львов?.. Большой запас?

- Пара, - серьезно ответил Полезнов.

- Лев и львица?

- Лев и еще лев.

- Ин-те-рес-но!.. Покажите же!.. Они где? Здесь?

- Наверное, цена вам будет неподходящая, барышня...

- А вы откуда взяли, что я барышня, а не дама?.. А какая цена?

Полезнов потер усы платком и сказал, не спеша и понизив голос:

- Сорок тысяч.

Когда же сказал, то сразу почувствовал, что восемнадцать или даже двадцать тысяч за пару львов, не каких-нибудь диких ведь, а совершенно ручных, это при нынешней цене денег - сущий бесценник, и этот бесценник он непременно даст за них сегодня же, только бы повидаться с Абашидзе; если до вечера их не перепродает, пусть здесь переночуют, продаст их завтра.

- Видите ли, вот что, - как будто строго поглядела на него золотоволосая, но тут же усмехнулась доверчиво: - Шутка сказать тоже: со-рок ты-сяч!.. Если только вы не шутите?.. Нет? (Полезнов показал головой, что он серьезен). Очень жаль... Но я все-таки хотела бы посмотреть их... Знаете ли что?.. Я думаю, что найду вам денежного покупателя!

- Знаем мы этих денежных покупателей!

Мимо проходили многие, бойко и с подпрыгом, как ходят горожане в поря-дочный мороз, и, может, мимоходом кое-кто думал, что говорят у ворот дома № 24 двое очень хороших знакомых, потому что девица вынула вдруг руку из муфты (рука была в тонкой осенней перчатке) и забывчиво стала вертеть пуговицу на пальто Полезнова, говоря:

- Уверю вас, что я кое-кому скажу, и, может быть, сегодня же их у вас заберут, а вы мне за это только покажите их, хорошо?.. Должна же я знать, черт возьми, какие они, эти львы ваши!

- Обыкновенные, - ответил Полезнов, несколько смущаясь. - А так вы мне даже пуговицу можете отвертеть...

- Не знаю, за кого вы меня принимаете, - строго сказала девица. - Я поэтесса, вот кто я! - и сняла поспешно с пуговицы руку, причем и рука эта показалась Полезнову обиженной, так что он пожал виновато плечами и вздохнул.

Как раз в это самое время тот, бритый, в шляпе, которую он все выправлял на ходу, а она сидела как будто совсем по-иному, поспешно, даже зло, шагнул по двору к воротам. Обескураженность лица его Полезнов заметил. Это его разве-селило, и он сказал рыжеволосой, кивнув на него шапкой:

- Вот они видели львов... Вы их спросите-ка...

И девица тут же загородила бритому дорогу:

- Послушайте, вы, говорят, их видели, этих львов?